

RU

А. Л. Бем – пушкинист

Азаров Ю. А.

Аннотация. Цель исследования состоит в том, чтобы выделить оригинальную проблематику работ А. Л. Бема, посвященных А. С. Пушкину. А. Л. Бем получил в эмиграции известность, прежде всего как специалист в области изучения наследия Ф. М. Достоевского, хотя в сферу его научных интересов входило творчество многих писателей и поэтов, в том числе А. С. Пушкина. К личности поэта он всегда испытывал повышенный интерес, воспринимая пушкинское наследие как основу не только русской, но и мировой литературы. В статье анализируются труды А. Л. Бема, в которых тем или иным образом затрагивается тема А. С. Пушкина. В их числе как работы, специально ему посвященные, так и статьи о Ф. М. Достоевском, в которых проводятся параллели с пушкинским творчеством. Научная новизна предпринятого исследования обусловлена тем, что с данной точки зрения упоминаемые труды А. Л. Бема ранее подробно не рассматривались. В результате их изучения показано, что далеко не все публикации А. Л. Бема всесторонне изучались, что, в частности, относится к его полемически заостренным по отношению к позиции Г. В. Адамовича выступлениям в печати, направленным на защиту пушкинского наследия.

EN

A. L. Bem as a Pushkin scholar

Y. A. Azarov

Abstract. The research aims to highlight the original thematic focus of A. L. Bem's works dedicated to A. S. Pushkin. Bem gained recognition in emigration primarily as a specialist in the field of Dostoevsky studies, although his scientific interests included the work of many writers and poets, and specifically A. S. Pushkin. Bem always held a heightened interest in the poet's personality, perceiving Pushkin's legacy as the foundation not only of Russian but also of world literature. The paper analyzes Bem's works that in one way or another touch upon the Pushkin theme. These include works specifically dedicated to the poet, as well as articles about F. M. Dostoevsky, which draw parallels with Pushkin's oeuvre. The scientific novelty of the research is due to the fact that the mentioned works of Bem have not been previously examined in detail from this perspective. As a result of their study, it is shown that not all of Bem's publications have been comprehensively studied, which, in particular, applies to his polemical pronouncements in print directed against G. V. Adamovich's position, aimed at defending Pushkin's legacy.

Введение

Актуальность предпринятого исследования определяется тем, что предложенные А. Л. Бемом методы сравнительного анализа литературного произведения еще не изучены с достаточной полнотой. Успешно осуществив задачу публикации и републикации статей и сборников, связанных с пражским объединением «Скит поэтов» («Скит»), исследователи сравнительно недавно приступили к подробному изучению эстетических приоритетов и методологии А. Л. Бема (Кольовски, 2015). Благодаря доступности личного архива А. Л. Бема чешские коллеги проявляли интерес прежде всего к его биографии и литературно-критическим работам периода эмиграции, в первую очередь к документам, отложившимся в пражских библиотеках и архивохранилищах. Дореволюционный период его академической деятельности, как правило, оставался вне сферы детального анализа, хотя в эмиграции А. Л. Бем оказался уже сложившимся филологом, текстологом и библиографом. В этом качестве он проявил себя во время работы в Рукописном отделении Библиотеки Императорской академии наук и в процессе составления свода трудов по славяноведению и библиографии Л. Н. Толстого. А. Л. Бем активно участвовал в деятельности Русского библиологического общества, которое свою главную задачу видело в организации систематической и максимально полной регистрации и каталогизации произведений печати.

Материалом для исследования послужили труды, посвященные А. С. Пушкину, увидевшие свет в России и в эмиграции. Его творчество ученый анализировал в ранних статьях петербургского периода, начиная со статьи «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина» (Бем, 1911, с. 146-163); в зарубежье данная тема нашла продолжение в научных изданиях и на страницах периодической печати: «Чудо Пушкина» (Меч. 14 февраля 1937); «Культ Пушкина и колеблющие треножник» (Руль. 18 июня 1931); «О критике и критиках» (статья вторая) (Руль. 6 мая 1931); «Мировое значение Пушкина» (О Пушкине. Статьи. Ужгород, 1937); «Достоевский – гениальный читатель» (О Достоевском. Прага, 1933).

Цель исследования обусловила конкретные задачи, которые состоят в том, чтобы рассмотреть малоизученное пушкинское направление литературно-критической деятельности А. Л. Бема; его роль в литературе как руководителя объединения «Скит»; участие в полемике в эмигрантской печати о литературной традиции и значении наследия А. С. Пушкина; провести параллели с тематикой и сюжетами, нашедшими воплощение в пушкинском творчестве и творчестве Ф. М. Достоевского.

При написании статьи применялись следующие методы исследования: метод обобщающего анализа, позволяющий на основе избранного материала провести параллели между восприятием пушкинского наследия в разные периоды развития русской литературы; сравнительный метод, нацеленный на обнаружение сходных черт тематики произведений А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского; метод идейно-тематического анализа, раскрывающий культурологические и тематические доминанты статей А. Л. Бема и главные положения его полемики с Г. В. Адамовичем.

Теоретическую базу составили изданные Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук коллективные труды, в которых рассматривались как основные направления изучения литературы русского зарубежья в целом (Литература русского зарубежья..., 1993; 1999), так и отдельные вопросы его исследования (Литература русского зарубежья..., 2004; 2008; 2013; 2022). Анализ историко-литературного контекста, в котором развивалась поэзия эмиграции первой волны, основан на оценке Г. П. Струве (1996, с. 221).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при написании статей и при подготовке научного комментария к изданию сочинений А. Л. Бема. Предполагается, что они также могут найти применение в научно-исследовательской и преподавательской практике вузов гуманитарного направления, при чтении лекций и спецкурсов по литературе русского зарубежья.

Обсуждение и результаты

Значительную часть литературно-критического наследия А. Л. Бема составляет серия статей «Письма о литературе», которые печатались в эмигрантских газетах «Руль» (Берлин), «Молва» и «Меч» (Варшава). Его внимание, как правило, привлекали следующие темы: сравнительно-литературные исследования, история литературы, ее современное состояние и будущее, русская классика, литература послереволюционного зарубежья и советская литература. Им также публиковались рецензии и библиографические обзоры на русском, чешском и немецком языках. В качестве достоинства исследователи отмечают условность границы между литературоведческими работами и литературной критикой А. Л. Бема. Так, по мнению Г. П. Струве, он «был больше теоретиком и историком литературы, чем критиком», и в критической деятельности «его багаж теоретических и исторических знаний, в сочетании с литературным вкусом, сослужил большую службу» (1996, с. 130).

Работавшее под руководством А. Л. Бема объединение молодых поэтов и прозаиков «Скит» иногда упрекали в искусственной нетрадиционности, вместе с тем недостаток «новизны» никогда не являлся основанием для высокой оценки художника, к какой бы эпохе он ни принадлежал. «Для скитников среди их на первом месте – Пушкин» (Постников, 1928, с. 135). Подобная позиция нашла отражение в дискуссии между борниками сохранения литературной традиции и идейным вдохновителем «парижской ноты» Г. В. Адамовичем. В 1930-е гг. воодушевляемая им поэзия ориентировалась на традиции петербургского символизма; к ее отличительным чертам относились исповедальная, камерная направленность, стремление к осмыслению сущности бытия. А. Л. Бем же более всего верил в жизнеутверждающую силу слова, способность писать с оптимизмом. Закономерно, что в поэзии Парижа он прежде всего выделял пафос пессимизма, упрекая ее последователей в том, что они «не замечали» русского футуризма. Пражская поэзия выбрала другой путь, испытал влияние имажинизма, Пастернака, Есенина, Маяковского. Тем не менее, при всем многообразии творческого потенциала эстетические основы участников «Скита» вряд ли можно назвать неопределенными, что дало А. Л. Бему повод говорить о возникновении «пражской школы» в эмигрантской поэзии.

Дискуссия продолжалась около десяти лет, начавшись на страницах «Возрождения» и «Последних новостей». Суть ее сводилась к тому, что В. Ф. Ходасевич отстаивал пушкинскую традицию в поэзии, а его оппонент Г. В. Адамович защищал необходимость творческого эксперимента и отход от традиций, якобы себя изживших, в том числе пушкинских. По существу, дискуссия происходила между разными поколениями литературной эмиграции – представители старшего поколения в основном поддерживали позицию В. Ф. Ходасевича. А многие «из молодых» тяготели к позиции Г. В. Адамовича, полагавшего, что в данном случае речь не идет о мастерстве, поскольку поэтическое мастерство, по его мнению, не связано с богатством и глубиной содержания. Смысл творческих расхождений сводился в основном к проблеме противопоставления традиции и авангарда в творчестве молодого поколения эмигрантских прозаиков и поэтов. Многие из его представителей стремились подражать «старшим», другие же хотели бы развиваться в русле новых поэтических

тенденций, возникших в эпоху войны и революции. «Существовало в Париже несколько литературных группировок, – отмечал Г. П. Струве, раскрывая природу данного спора, – были и поэты, стоявшие вне всяких группировок. Настоящей литературной вражды между группировками не было. Когда в начале 30-х годов возникли “Числа”, в них приняли участие почти все поэты младшего поколения (в девяти книгах “Чисел” были напечатаны стихи двадцати трех из этих младших поэтов, не считая нескольких “провинциальных”), а также большая часть старших поэтов... И все же молодых парижских поэтов можно разделить на тех, кто ориентировался на Ходасевича, призывавшего поэтов “писать хорошие стихи”; тех, кто находился под влиянием Адамовича, проповедовавшего “простоту и человечность”; и тех, кто тяготел скорее к Цветаевой и Пастернаку...» (1996, с. 221).

Бем присоединился к дискуссии в начале 1930-х гг., разделяя в целом точку зрения традиционалистов и В. Ф. Ходасевича. В статье «О критике и критиках» он резко возразил своему оппоненту: «Ответственное место в зарубежной критике занял Г. Адамович. Мне кажется, что на критических статьях его очень скверно отзывается то, что к его услугам оказался еженедельный литературный “подвал” самой распространенной газеты в эмиграции (“Последние новости”. – Ю. А.). <...> Право, я вовсе не такого уже плохого мнения о критических способностях Г. Адамовича, но ему иногда, положительно, нечего сказать, а, хочешь не хочешь, сказать надо» (Бем, 1996, с. 39).

Вместе с тем А. Л. Бем убежден, что на Западе начинают постигать гениальность А. С. Пушкина: несомненно, близок тот день, когда Европа признает общечеловеческое значение «Маленьких трагедий». Примечательно, что в оценке поэта он самым решительным образом отвергал, по его выражению, «новую “писаревщину”», проистекающую от типично русского явления – «интеллигентского нигилизма» (Бем, 1996, с. 54). Именно в этом заключалась основная причина полемики столкновения с Г. В. Адамовичем, который вызывал его возмущение своими антипушкинскими выпадами. В то время как усилиями целого поколения пушкинистов была подготовлена почва для общеславянского признания поэта, «раздаются голоса не только сомнения в Пушкине, но и произносится прямая хула на него» (Бем, 1996, с. 39). А. Л. Бем убежден, что это не что иное, как еще один печальный пример того, до какой степени русские не умеют ценить собственное культурное наследие. Критик прямо обвиняет своего оппонента в том, что в эмиграции он стал теоретиком движения, направленного против А. С. Пушкина. Так, для Г. В. Адамовича, которого «приютил» журнал «Числа», поэт слишком «прост», «недостаточно сложен» и «до подозрительности ясен». А. Л. Бем предполагает, что это лишь «желание быть пооригинальнее», но, вполне возможно, Г. В. Адамович просто плохо знает А. С. Пушкина: «Утверждать, что Пушкин “прост”, т. е. недостаточно глубок в своей поэзии, это значит просмотреть Пушкина, с его – и это с самых первых шагов творчества – неустанным тяготением к темам смерти, совести, самозванства, преступления, страсти и индивидуализма. Напоминать об этом как-то неловко, особенно сейчас, когда до такой степени стала ясна связь “Преступления и наказания” с “Пиковой дамой”, “Подростка” со “Скупым рыцарем”, когда “Маленькие трагедии” воспринимаются как самые насыщенные драмы человечества. Для Г. Адамовича – это “гершензоновская ахинея”, он никаких “мировых бездн” в Пушкине не обнаружил. <...> Неужели... мы должны предпочесть “правду” Г. Адамовича?» (Бем, 1996, с. 56). Можно добавить, что А. Л. Бем, будучи наставником творческой молодежи, главную опасность подобных антипушкинских выпадов видел в пагубном влиянии, которое рассуждения Г. В. Адамовича оказывают на тех, кто только вступает на свой путь в литературе.

Впрочем, главный оппонент А. Л. Бема никогда ему не отвечал, намеренно или ненамеренно не замечая критики в свой адрес. Причину подобного противостояния А. И. Чагин объясняет принципиальной несовместимостью эстетических и, более того, жизненных установок: «Быть может, непрямой характер диалога между А. Бемом и Г. Адамовичем и острота его имели отчасти и личностную подоплеку. Слишком разными были его участники: Г. Адамович, начинавший свой путь в литературе как поэт, во многом оставшийся поэтом и в литературно-критической своей деятельности, где важной точкой отсчета было впечатление; и А. Бем, исследователь, со свойственной ему дисциплиной мысли и сложившейся системой взглядов на историю и традиции русской литературы» (2008, с. 323).

Нельзя не отметить значительный вклад А. Л. Бема в эмигрантское пушкиноведение: к столетней годовщине гибели поэта он (совместно с Р. О. Якобсоном) подготовил изданное в 1936-1938 гг. в Праге четырехтомное собрание избранных сочинений в переводе на чешский язык и сборник своих статей «О Пушкине. Статьи». В юбилейном сборнике особо подчеркивается исключительная роль поэта в истории русской литературы: «Явление Пушкина – чудо. Я думаю, в русской литературе мы дважды встречаемся с явлением подлинного чуда. Это – “Слово о полку Игореве” и Пушкин. Сколько бы исследователи ни работали над объяснением этих двух чудес русской литературы, объяснить их во всей их единственности и законченности никогда не удастся» (Бем, 1937, с. 26). О том же шла речь и в статье с говорящим названием «Чудо Пушкина», которое видится также в том, что поэт совершил «скачок в будущее», повлекший за собой такой же скачок всей русской литературы» (Бем, 2001, с. 431). Закономерно желание подчеркнуть роль, которую сыграл А. С. Пушкин в русской культуре: с автором нельзя не согласиться, когда он выделяет уникальную черту поэта, неизменно вызывающую восхищение. «Эта черта, – пишет А. Л. Бем, – необычайно развитое в нем чувство равноправия. Когда читаешь пушкинские письма, а в особенности его критические заметки и статьи, поражаешься, до какой степени он себя чувствует вправе и прямо призванным сказать свое слово во всех главнейших вопросах, волновавших литературное мнение Европы» (2001, с. 431). Особо следует выделить также следующее наблюдение А. Л. Бема: А. С. Пушкин не чувствует себя представителем «нарастающей литературы», он – равный среди равных и даже склонен думать, что находится в совершенно исключительных условиях, дающих ему преимущества перед европейцами. При этом он далек от обостренного национального самомнения, хотя и считает, что здравый смысл наших суждений относительно того, что происходит в Европе, поистине удивителен.

Повышенный интерес А. Л. Бема-достоевиста вполне обоснованно вызывала проблема сопоставительного анализа сюжетов и образов в творчестве А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Он впервые показал, что тема Ф. М. Достоевского – как читателя А. С. Пушкина – одна из наиболее интересных тем русской литературы: «Можно шаг за шагом показать, как Достоевский, читая и перечитывая Пушкина, волнуясь и спеша, переживал в себе не только его отдельные образы, не только возбуждался его идейными темами, но и схватывал с полунамека всю глубину возможного развития только намеченных им положений. Пушкин для Достоевского был тем совершенством, к которому он всегда стремился приблизиться, но достичь которого он не чаял» (Бем, 2001, с. 44). Стихийному гению Ф. М. Достоевского, как справедливо отмечает А. Л. Бем, не дано было прямо идти за «гармоническим Пушкиным». Пушкинские образы он неизбежно «перетолковывает», заставляет их жить новой жизнью, вкладывая в них дополнительное содержание. Так, за сдержанным тоном пушкинского повествования он усмотрел глубочайшую проблему «преступления и наказания»: «Германн “с профилем Наполеона и душой Мефистофеля” становится носителем идейного оправдания убийства» (Бем, 2001, с. 45). Где нет веры, там все позволено. Именно поэтому, по его мнению, основной догмат Раскольникова о разделении людей на «тварей дрожащих» и «право имеющих» – лишь развитие сформулированной в «Евгении Онегине» мысли: «Мы все глядим в Наполеоны...». Мимо внимания А. Л. Бема не проходит и то, что если Германн погибает, то духовное возрождение Раскольникова все же должно состояться, но произойдет это лишь в отдаленной перспективе – в результате возрождения веры в Бога. С другой стороны, Германн погибает потому, что забывает Лизу, ставя свою страсть к игре выше любви. Эта же тема воспринята и Ф. М. Достоевским, но в более широкой перспективе. Он, несомненно, осмыслил трагедию Германна, приводя к аналогичному финалу героя «Игрока». Но отличие в том, что даже обретение вождельного выигрыша не дает право на счастье.

Приведем еще один пример сравнительного анализа, позволяющий по-новому взглянуть на творчество А. С. Пушкина. А. Л. Бем убежден, и с ним нельзя не согласиться, что именно Ф. М. Достоевскому первому удалось осмыслить всю глубину психологической коллизии между отцом и сыном в «Скупом рыцаре», что нашло отражение в истории конфликта между Дмитрием Карамазовым и его отцом. В результате следует смелый вывод, что в процессе сотворчества Ф. М. Достоевский идет намного дальше своего предшественника: «Но еще разительнее, что Достоевский усмотрел в Альбере – “безумце и расточителе” того “отцеубийцу в мыслях”, морального виновника преступления, о котором он нам поведал потом в своих “Братьях Карамазовых”. Ведь теперь, после Достоевского, ясно, что Альбер действительно виновен...» (Бем, 2001, с. 48). Очевидно, признание в мечте о наследстве равносильно преступному желанию скорой смерти отца. А. Л. Бем отмечает, что им взяты лишь два наиболее показательных примера углубленного прочтения произведений А. С. Пушкина Ф. М. Достоевским, однако подобных примеров можно привести множество. Хотелось бы отметить, что сопоставительный анализ А. Л. Бема, даже если не со всеми выводами, дает повод для размышлений и споров. В любом случае он помогает лучше понять как А. С. Пушкина, так и Ф. М. Достоевского, открывая новые грани творчества, которые проявляются лишь в сравнении.

Заключение

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы, определяющие новизну проведенного исследования:

Очевидно, что разработка А. Л. Бемом пушкинской проблематики еще не изучена с достаточной полнотой и требует более подробного исследования. Вместе с тем, очевидно, что его наблюдения и проводимые параллели отличаются оригинальностью и новизной, представляя интерес для современных литературоведов. В основе методологии созданных в эмиграции работ лежали статьи дореволюционного периода, благодаря чему удалось подтвердить, что за кажущейся простотой пушкинского повествования скрыт глубочайший смысл. Отношение А. Л. Бема к наследию А. С. Пушкина нашло отражение и в его практической деятельности в качестве наставника творческой молодежи и руководителя пражского объединения «Скит». С точки зрения оценки пушкинского направления исследований А. Л. Бема принципиальное значение имеет его полемика с Г. В. Адамовичем, направленная на защиту наследия А. С. Пушкина. Важно и другое: именно А. Л. Бему впервые удалось доказать, что идейно-тематические составляющие произведений великого русского поэта нашли продолжение в творчестве Ф. М. Достоевского, названного «гениальным читателем» А. С. Пушкина.

Более или менее широко охватить весь диапазон литературно-критической проблематики пушкинских исследований А. Л. Бема в рамках небольшой статьи не представляется возможным. Вместе с тем очевидно, что они не только чрезвычайно интересны по содержанию, но и затрагивают темы, без освоения которых невозможно глубокое проникновение в содержание пушкинского творчества.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в более основательном изучении разработанных принципов сравнительно-типологического анализа, которые и до настоящего времени сохраняют свою актуальность.

Источники | References

1. Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе / сост. С. Г. Бочаров; предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. З. Сурат. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Бем А. Л. К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина // Пушкин и его современники: материалы и исследования. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1911. Вып. 15.

3. Бем А. Л. Мировое значение Пушкина // Бем А. Л. О Пушкине. Статьи. Ужгород: Письмена, 1937.
4. Бем А. Л. Письма о литературе / сост. и предисл. М. Бубеникова, Л. Вахаловска; отв. ред. Л. Белошевская. Praha: Slovanský ústav; Euroslavica, 1996.
5. Кольовски А. А. Творческая биография Альфреда Людвиговича Бема: дисс. ... к. филол. н. М., 2015.
6. Литература русского зарубежья, 1920-1940. М.: Наследие; Наука, 1993. Вып. 1 / сост. и отв. ред. О. Н. Михайлов.
7. Литература русского зарубежья, 1920-1940. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1999. Вып. 2 / отв. ред. О. Н. Михайлов.
8. Литература русского зарубежья, 1920-1940. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Вып. 3 / под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров.
9. Литература русского зарубежья, 1920-1940. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Вып. 4 / под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров.
10. Литература русского зарубежья, 1920-1940. М.: ИМЛИ РАН, 2013. Вып. 5 / под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров.
11. Литература русского зарубежья, 1920-1940. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Вып. 6. Писатель в литературном процессе / отв. ред. Ю. А. Азаров.
12. Постников Г. П. Русские в Праге 1918-1928 гг. (К десятилетию Чехословацкой республики) / под общ. ред. С. П. Постникова. Прага, 1928.
13. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. М. – Париж: Русский путь; YMCA-Press, 1996.
14. Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

Информация об авторах | Author information

Азаров Юрий Алексеевич¹, д. филол. н.

¹ Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Yuri Alexeevich Azarov¹, Dr

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ gmammoth@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.08.2024; опубликовано online (published online): 30.09.2024.

Ключевые слова (keywords): литературоведение эмиграции первой волны; А. С. Пушкин и русская эмиграция; пушкинская тема у А. Л. Бема; труды А. Л. Бема о Ф. М. Достоевском; полемика А. Л. Бема и Г. В. Адамовича; first wave émigré literary criticism; A. S. Pushkin and Russian émigré community; Pushkin theme in A. L. Bem's works; A. L. Bem's works on F. M. Dostoevsky; polemics between A. L. Bem and G. V. Adamovich.